
МУРЗИЛКА
№ 11
НОЯБРЬ 1945
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников
младших классов

ЛИСТЬЯ

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть век не желтеет,
Но век не свежа.

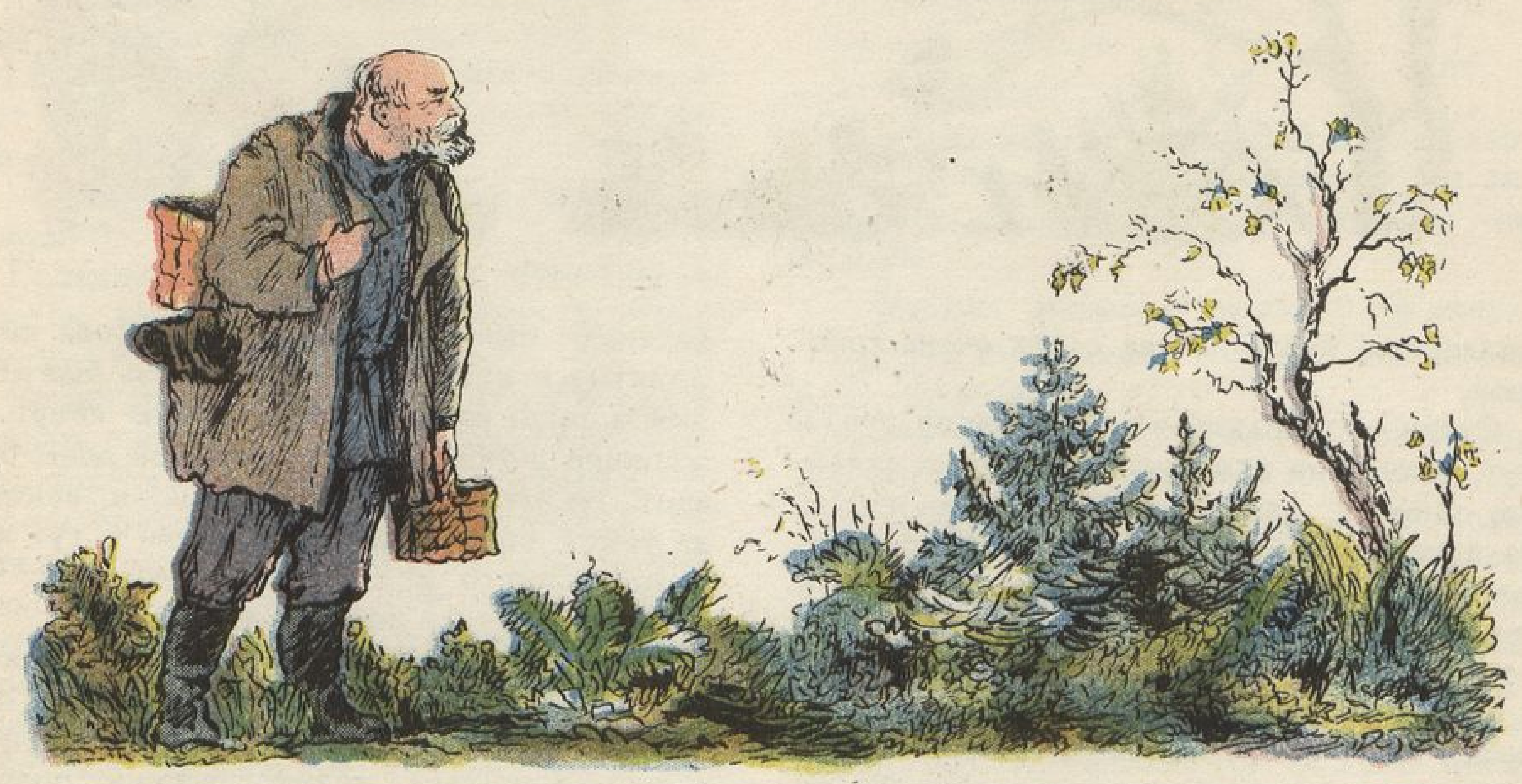
Мы ж, лёгкое племя,
Цветём и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Всё красное лето
Мы были в красе,
Играли с лучами,
Купались в росе!..

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим...
Летите, летите!
Мы с вами летим!..

Ф. ТЮТЧЕВ

СТАРЫЙ ГРИБ

Рассказ ***МИХАИЛА ПРИШВИНА***

I

Была у нас революция тысяча девятьсот пятого года. Тогда мой друг был в расцвете молодых сил и сражался на баррикадах на Пресне. Незнакомые люди, встречаясь с ним, называли его «братом».

— Скажи, брат, — спросят его, — где...

Назовут улицу, и «брат» ответит, где эта улица.

Пришла первая мировая война тысяча девятьсот четырнадцатого года, и, слышу, ему говорят:

— Отец, скажи...

Стали не «братом» звать, а «отцом».

Пришла Великая Октябрьская революция. У моего друга в бороде и на голове показались белые серебристые волосы. Те, кто его знал до революции, встречаясь теперь, смотрели на бело-серебряные волосы и говорили:

— Ты что же, отец, стал мукой торговать?

— Нет, — отвечал он, — серебром.

Но дело не в этом. Его настоящее дело было служение обществу, и ещё он был врач и лечил людей, и ещё он был очень добрый человек и всем, кто к нему обращался за советом, во всём помогал. И так, работая с утра и до поздней ночи, он прожил лет пятнадцать при советской власти.

Слышу, однажды на улице кто-то его останавливает:

— Дедушка, а дедушка, скажи...

И стал мой друг, прежний мальчик, с кем мы в старинной гимназии на одной скамейке сидели, дедушкой.

Так вот, деточки, время проходит, просто летит время, оглянуться не успеете, как и вы тоже будете дедушками.

Ну, хорошо, я продолжаю о друге. Белеет и белеет наш дедушка, и так наступает наконец день великого праздника нашей победы над немцами. Но дедушка наш, получив почётный пригласительный билет на Красную площадь, идёт под зонтиком и дождя не боится. Так подходим мы с ним к площади Свердлова и видим там за цепью милиционеров вокруг всей площади войска, молодец к молодцу. Сырость вокруг от дождя, а глянешь на них, как они стоят, и

сделается, будто погода стоит очень хорошая.

Стали мы предъявлять свои пропуска, и тут, откуда ни возьмись, мальчишка какой-то, озорник, наверно, задумал как-нибудь на парад прошмыгнуть. Увидел этот озорник моего старого друга под зонтиком и говорит ему:

— А ты зачем идёшь, старый гриб?

Обидно мне стало, деточки, признаюсь, очень я тут рассердился на вашего брата и цап этого мальчишку за шиворот. Он же вырвался, прыгнул, как заяц, на прыжке оглянулся, успел мне показать кукиш.

Старый гриб, так старый гриб, всё равно, лишь бы только это не друга, а меня так называли: самому себя почему-то не жалко, и так чувствую, что сам-то за себя я ещё сумею как-нибудь постоять. Но за друга, такого доброго человека, мне и сейчас больно.

II

Парад на Красной площади вытеснил на время из моей памяти грубое и глупое обращение мальчика к старому доброму и почтенному человеку. Но когда я пришёл домой и прилёг отдохнуть, «старый гриб» мне опять вспомнился. И я так сказал невидимому мальчишке:

— Чем же молодой-то гриб лучше старого? Молодой просится на сковородку, а старый сеет споры будущего и живёт для других, новых грибов.

И вспомнилась мне одна сыроежка в лесу, где я постоянно грибы собираю. Было это под осень, когда берёзки и осинки начинают сыпать на молодые ёлочки вниз золотые и красные пятачки. День был тёплый и даже паркий, когда грибы лезут из влажной и тёплой земли. В такой день, бывает, ты всё дочиста выберешь, а вскоре за тобой пойдёт другой грибник и тут же с того самого места опять собирает: ты берёшь, а грибы всё лезут и лезут.

Вот такой и был теперь грибной, паркий день. Но в этот раз мне с грибами не повезло. Набрал я себе в корзину всякую дрянь: сыроежки, красноголовики, подберезники, а белых грибов нашлось только два. Будь бы боровики, настоящие грибы, стал бы я, старый человек, наклоняться за чёрным грибом! Но что делать, по нужде поклонишься и сыроежке.

Очень парко было, и от поклонов моих загорелось у меня всё внутри и досмерти пить захотелось. Но не итти же в такой день домой с одними чёрными грибами! Времени было впереди довольно поискать белых.

Бывают ручейки в наших лесах, от ручейков расходятся лапки, от лапок мочежинки или просто даже потные места. До того мне пить хотелось, что, пожалуй бы, даже, и мокрой землицы попробовал. Но ручей был очень далеко, а дождевая туча ещё дальше; до ручья ноги не доведут, до тучи нехватит руки.

И слышу я, где-то за частым ельником птичка пищит:

— Пить, пить!

Это, бывает, перед дождиком серенькая птичка, дождевик, пить просит:

— Пить, пить!

— Дурочка, — сказал я, — так вот тебя туча-то и послушается!

Поглядел на небо, и где тут дожидаться дождя: чистое небо над нами, и от земли пар, как в бане.

Что тут делать, как быть?

А птичка по-своему всё пищит:

— Пить, пить!

Усмехнулся я тут сам себе, что вот какой я старый человек, столько жил, столько видел всего на свете, столько узнал, а тут просто птичка, и у нас с ней сейчас одно желанье.

— Дай-ка, — сказал я себе, — погляжу на товарища.

Продвинулся я осторожно, бесшумно в частом ельнике, приподнял одну веточку: ну, вот и здравствуйте!

Через это лесное оконце мне открылась поляна в лесу, посередине её две берёзы, под берёзами пень, и рядом с пнём в зелёном брусничнике красная сыроежка, такая огромная, каких в жизни своей я ещё никогда не видал. Она была такая старая, что края её, как это бывает только у сыроежек, завернулись вверх. И от этого вся сыроежка была в точности, как большая глубокая тарелка, притом наполненная водой.

Повеселело у меня на душе. Вдруг вижу, слетает с берёзы серая птичка, садится на край сыроежки и носиком тюк в воду. И головку вверх, чтобы капля в горло прошла.

— Пить, пить! — пищит ей другая птичка с берёзы.

Листик там был на воде в тарелке, маленький, сухой, жёлтый. Вот птичка клюнет, вода дрогнет, и листик загуляет. А я-то из оконца вижу всё, и радуюсь, и не спешу: много ли птичке надо, пусть себе напьётся, нам хватит.

Одна напилась, полетела на берёзу. Другая спустилась и тоже села на край сыроежки. И та, что напилась, сверху ей:

— Пить, пить!

Вышел я из ельника так тихо, что птички не очень меня даже испугались, а только перелетели с одной берёзы на другую. Но пищать они стали не спокойно, как раньше, а с тревогой, и я их так понимал, что одна спрашивала:

— Выпьет?

Другая отвечала:

— Не выпьет!

Я так понимал, что это они о мне говорили и о тарелке с лесной водой; одна загадывала: «выпьет», другая спорила: «не выпьет».

— Выпью, выпью! — сказал я им вслух.

Они же ещё чаще запищали своё: «выпьет — не выпьет».

Но не так-то легко было мне выпить эту тарелку лесной воды.

Конечно, можно бы очень просто сделать, как делают все, кто не понимает лесной жизни и в лес приходит, только чтобы себе взять что-нибудь. Такой своим грибным ножиком осторожно подрезал бы сыроежку, поднял к себе, выпил бы воду, а ненужную ему шляпку от старого гриба жмякнул бы тут же о дерево.

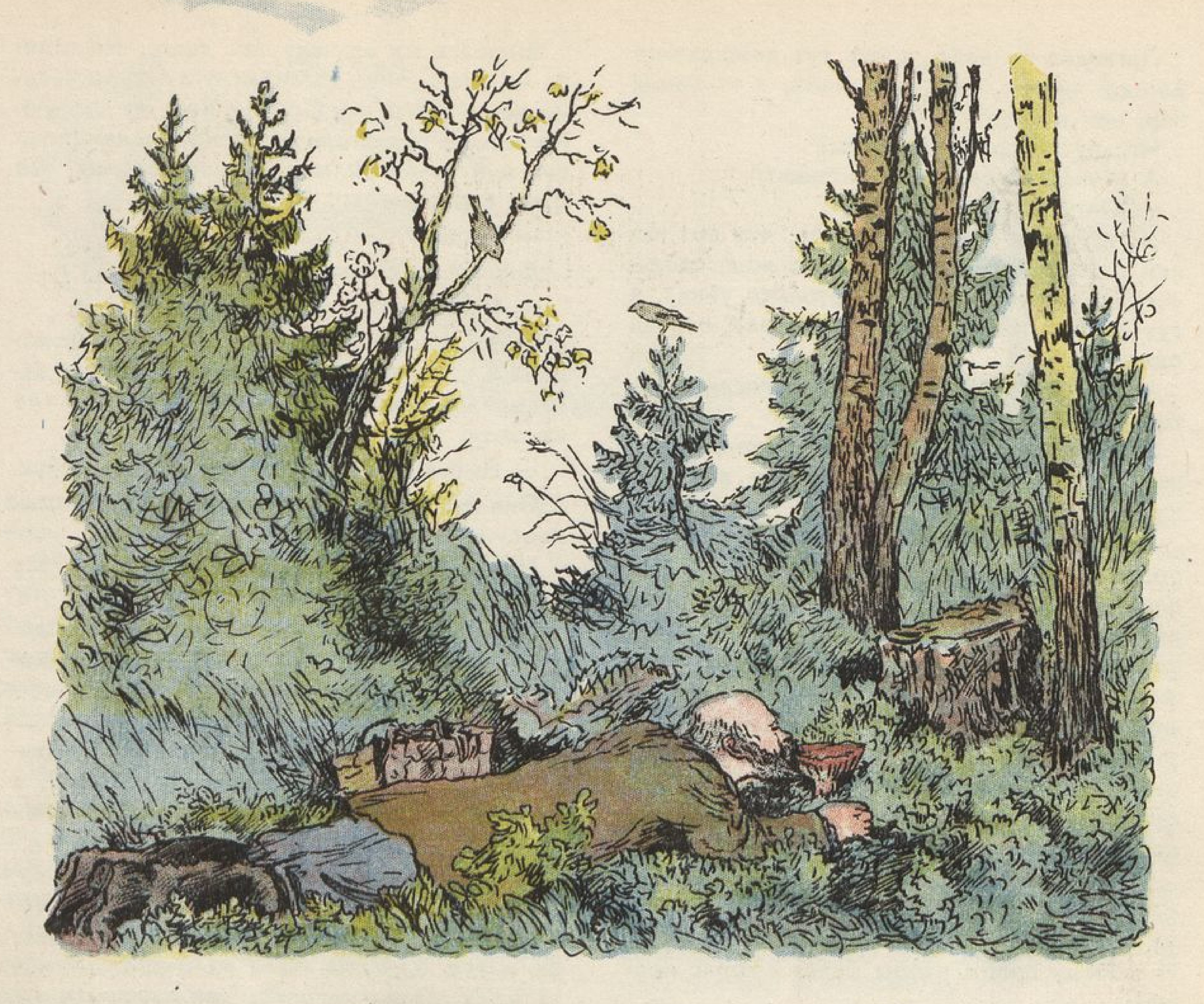
Удаль какая!

И скажу вам, деточки, просто это по-моему неумно. Подумайте сами, как мог бы я это сделать, если из старого гриба на моих глазах напились две птички, и мало ли кто пил без меня, и вот я сам, умирая от жажды, сейчас напьюсь, а после меня опять дождик нальёт, и опять все стачут пить. А там дальше созреют в грибе семена — споры, ветер подхватит их, рассеет по лесу для будущего...

Видно, делать нечего. Покряхтел я, покряхтел, опустился на свои старые колени и лёг на живот. По нужде, говорю, поклонишься и сыроежке.

А птички-то! Птички играют своё: «выпьет — не выпьет».

— Нет уж, товарищи, — сказал я им, — теперь больше не спорьте: теперь я добрался и выпью.

Так это ладно пришлось, что когда я лёг на живот, то мои запёкшиеся губы сошлись как раз с холодными губами гриба. Но только бы хлебнуть, вижу перед собой: в золотом кораблике из берёзового листа на тонкой своей паутинке спускается в грибное блюдце паучок. То ли он это поплавать захотел, то ли и ему надо напиться...

— Сколько же вас тут, желающих? — сказал я ему. — Ну тебя...

И в один дух выпил всю лесную чашу до дна.

III

Вы, умные, конечно, понимаете хорошо: я это от жалости к своему другу вспомнил о старом грибе и вам рассказал с открытым желанием привлечь вас на свою сторону. Но я вам ещё открою: рассказ о старом грибе — это только начало моего большого рассказа о лесе. Дальше будет о том, что случилось со мною, когда я напился живой воды. Это будут чудеса не как в сказке о живой воде и мёртвой, а настоящие, как они совершаются везде и всюду и во всякую минуту нашей жизни, но только мы, имея глаза, их не видим, имея уши — не слышим.

Косого по лесу гоняя,
Собаки: Шавка и Полкан,
Попали прямо в пасть к волкам,—
Им повстречалась волчья стая.

От страха Шавка вся дрожит:
«Полкаша... некуда деваться...
Я чую смерть свою... Что будем делать?» — «Драться!—
Полкан в ответ ей говорит.—
Я на себя возьму того, что покрупнее,
А ты того, что рядом с ним».
И, до врага достав прыжком одним,
Вцепился храбрый пёс зубами в волчью шею

И наземь серого свалил,—
Но тут же сам растерзан был.
Что думать Шавке? Очередь за нею!
Тут Шавка взвизгнула и в ноги бух волкам:
«Голубчики мои! Не погубите!
Сродни ведь прихожусь я вам!
Вы на уши мои, на хвост мой посмотрите!

А чем не волчья шерсть на мне?
Сбылась мечта моя — попала я к родне!
Пошли за мной, я показать вам рада,
Где у реки полднюет стадо...»
Вот волки двинулись за Шавкою гуськом,
Вначале лесом, после бережком,

Под стадо вышли, на хвосты присели,
Посовещалися на волчьем языке
И от коров невдалеке,
На всякий случай, раньше Шавку съели.
Но сами тож не уцелели —

В бою жестоком полегли:
Сторожевые псы то стадо стерегли,
И ружья пастухи имели...

Сей басне не нужна мораль.
А что до Шавки, мне её не жаль!

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

М. МАЛИШЕВСКИЙ

ВОРОБЕЙ И ВОРОБЬИХА

А меня сегодня наказали! Я получил единицу,—хвастался молодой воробей.

— Ничего в этом хорошего нет,—сказала старая воробьиха.

— А я всё знал, а ничего не ответил!—хвастался воробей.

— В этом хороша только половина: что ты всё знал,—сказала старая воробьиха.

— То есть я не всё знал, а только половину знал!—сказал молодой воробей.

— В этом хорошо только то, что ты переехал на правду,—сказала старая воробьиха.

— А я ничего не знал! Я тебя обманул!—сказал молодой воробей.

— В этом хорошо то, что это правда!—сказала старая воробьиха.

САМЫЙ ХИЩНЫЙ ПОСЛЕ ЛЬВА ЗВЕРЬ

Поспорили звери: кто в лесу после льва самый хищный зверь? Тот говорит—«я», тот говорит—«я», так ни до чего и не доспорились.

Призвал лев всех зверей к себе, усадил перед собой и объявил:

— Самый хищный в лесу после меня—заяц!

Звери так и ахнули! А сказать ничего не могут. Только поддакивают:

— Да, ваше величество, самый хищный зверь после вас—заяц.

— Да, зайчик. Самый хищный зверь у нас в лесу после льва—ты!

Сидит заяц ни жив, ни мёртв. Глаза выпучил и не знает, что делать.

А зайчиха его толкает:

— Да ты кусни кого-нибудь! Докажи, что ты самый хищный после льва зверь!

Заяц возьми да и кусни волка за спину.

Волк думал, что это блоха укусила, развернулся мордой, хватил по своей спине зубом, да и откусил нечаянно зайцу голову.

Так и кончился заяц, самый хищный после льва в лесу зверь.

ВРАЖДА И ДРУЖБА

Катя и Маня так крепко поссорились, что даже, когда вместе играть приходилось, никогда между собой не разговаривали. И у них всегда было тихо и скучно.

А Коля и Петя очень дружили. И когда играли, они часто кричали и спорили. У них всегда было шумно и весело.

Соседи и говорили:

— Как вам не стыдно, мальчики, шуметь и спорить? Какие же вы после этого товарищи? Берите пример с девочек! Вот это действительно подруги: когда они вместе, их и не слышно!

ДВА ЖИРАФА

Когда выгорела степь, два жирафа взмолились всемогущему Повелителю пустыни:

— Нет травы! Дай хоть листьев с деревьев. Иначе я умру с голоду!—просил один.

Жираф получил длинную шею и мог легко срывать листья, сколько ему было нужно.

— Нет травы! Дай мне длинную шею!—просил другой жираф.—Иначе я умру с голоду!

Повелитель пустыни дал ему такую длинную шею, что голова жирафа блуждала в облаках.

Но в облаках нет ни травы, ни листьев, и жираф умер от голода.

— Зачем ты обидел моего товарища?—спросил Повелителя пустыни первый жираф.

— Я дал каждому то, что он просил,—ответил Повелитель пустыни.—Ты просил листьев, а он—длинную шею.

ПЛОВЕЦ

Нужно было человеку реку переплыть. Плавать-то он умел, да дури в голове много было.

Вот он плывёт, плывёт, почитай, всю реку переплыл. Другой берег—рукой подать. А уморился. Из сил выбился. Ему бы налечь да из последней натуги к берегу. А он думает:

«Нет, не доплыву! Сил нехватит! Поверну обратно!»

И повернул обратно.

Вот он плывёт, плывёт обратно, из сил выбивается, а всё плывёт. И откуда силы взялись!

Уж берег—рукой подать. Два маха—и человек на берегу! Да сил нехватило. Пошёл под воду. И поминай, как дурака звали.

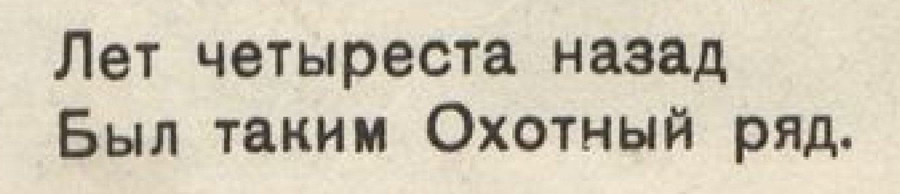
Всюду речки и пруды,
Огороды да сады.
Вот Неглинная река.
Хоть она не глубока,
Но быстра и полноводна,
По Москве течёт свободно.
Москвичам она нужна:
Вертит мельницы она.

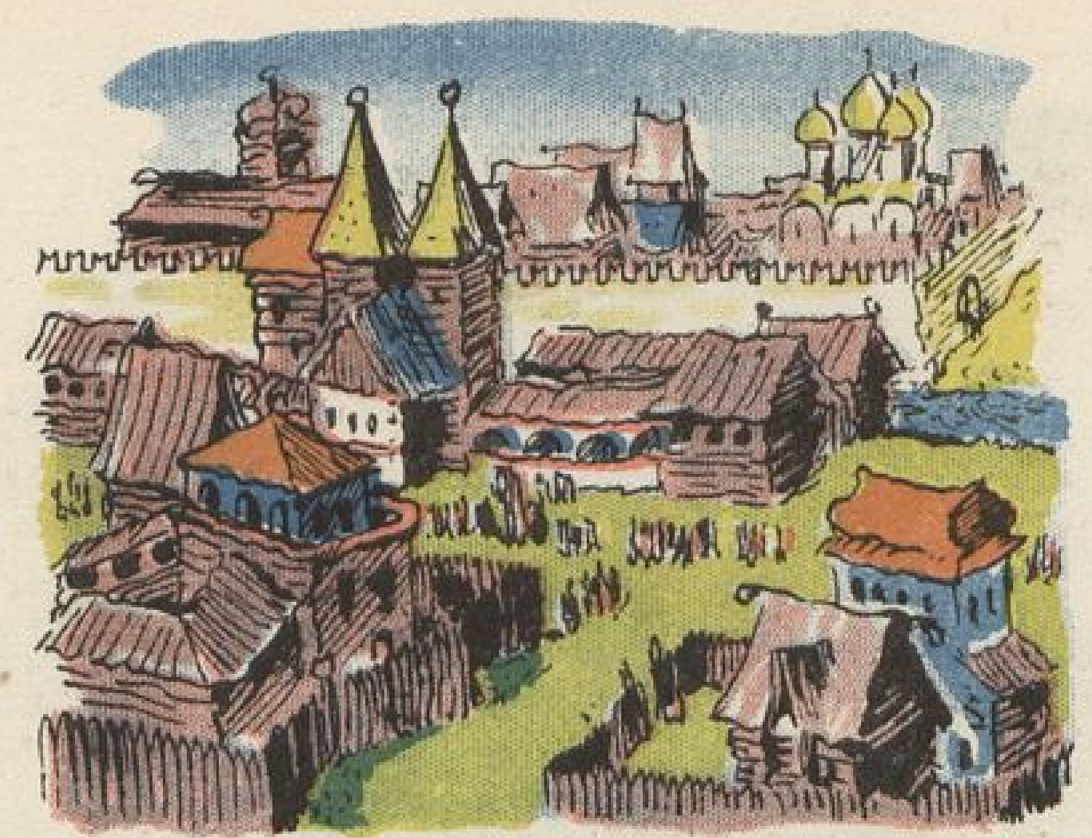
Мост Кузнецкий — мост старинный,
Назывался неспроста:
Были кузни на Неглинной
Возле этого моста.
В древних русских колымагах
Люди ездили тогда.
В буераках и оврагах
Не дорога, а беда.
И возницам молодецким,
Тем, что едут «на авось»,
На Неглинной, на Кузнецком,
За гроши починят ось.

В старину дома бывало
Люди строят как попало,
Выбирают место сами
Да и строятся рядами.
Но любой боярин мог
Дом поставить поперек.
Всем мешает этот дом:
Обходи его кругом!
И в московских переулках
Сохранились с той поры
Тупики, и закоулки,
И проезжие дворы.

Лет четыреста назад
Был таким Охотный ряд.

А у площади Свердлова
Вот какой был раньше вид,
У театра у Большого,
Там, где сквер теперь разбит.

А на площади на Трубной
Раньше торг был лесорубный
Обыватели на нём
Покупали целый дом.

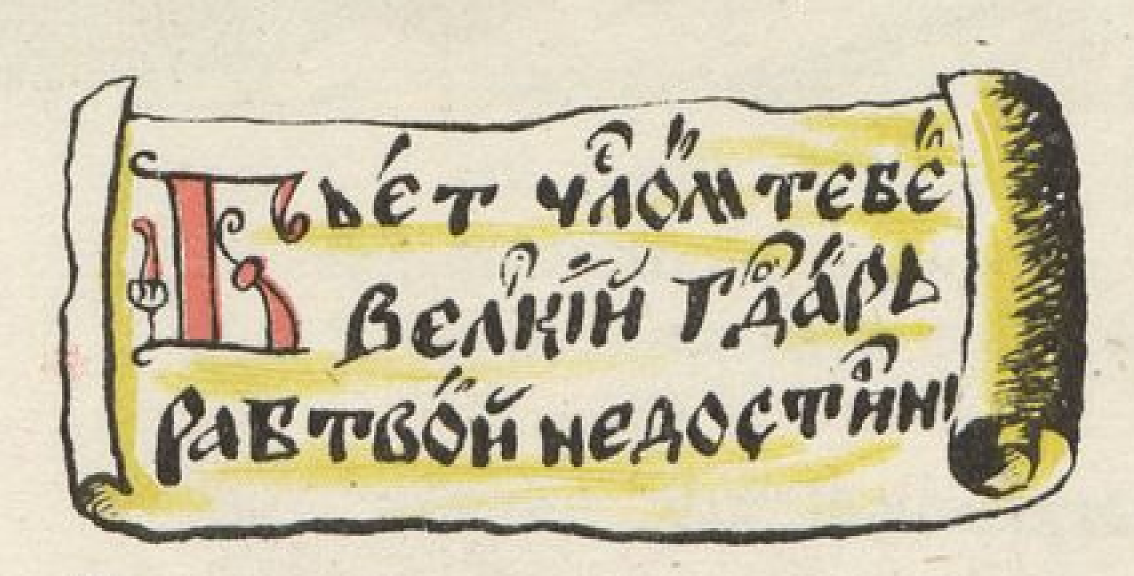
Вместо площади Восстанья
Было Кудрино село,
Там народное гулянье,
Там веселье в праздник шло.
Там на масляной неделе
Под Новинской слободой
Собирался на качели
Люд московский молодой.

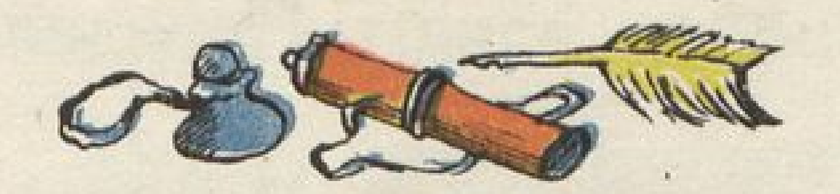
Серединой мы считаем
Площадь Пушкина теперь;
Это место было — краем,
Путь отсюда шёл на Тверь.
По нему свои возки
Гнали к Твери ямщики,
На дворах на постоялых
Оставались ночевать,
Лошадей менять усталых,
И с рассветом в путь опять.
По дороге кони скачут,
Путник вдаль глядит, вперёд,
Бубенцы как будто плачут,
А ямщик поёт, поёт...

При царе Иване третьем
Много школ открыли детям

В старину учились дети,
Обучал их в школе дьяк.
Приходили на рассвете
И твердили буквы так:
А да Б — как Аз да Буки,
В как Веди, Г — Глагол,
И учитель для науки
По субботам всех порол.

Вот какой чудной вначале
Наша грамота была!

Вот каким пером писали:
Из гусиного крыла!

Этот нож не без причины
Назывался — «перочинный»:
Очиняли им перо,
Если не было остро.
Трудно грамота давалась
Нашим детям в старину,
И девицам полагалось
Не учиться ничему.
В школу шли одни мальчишки.
Дьяк с указкою в руке
Нараспев читал им книжки
На славянском языке.
Так из летописей старых
Знали дети москвичей
О литовцах и татарах
И о родине своей.

К. ЧУКОВСКИЙ

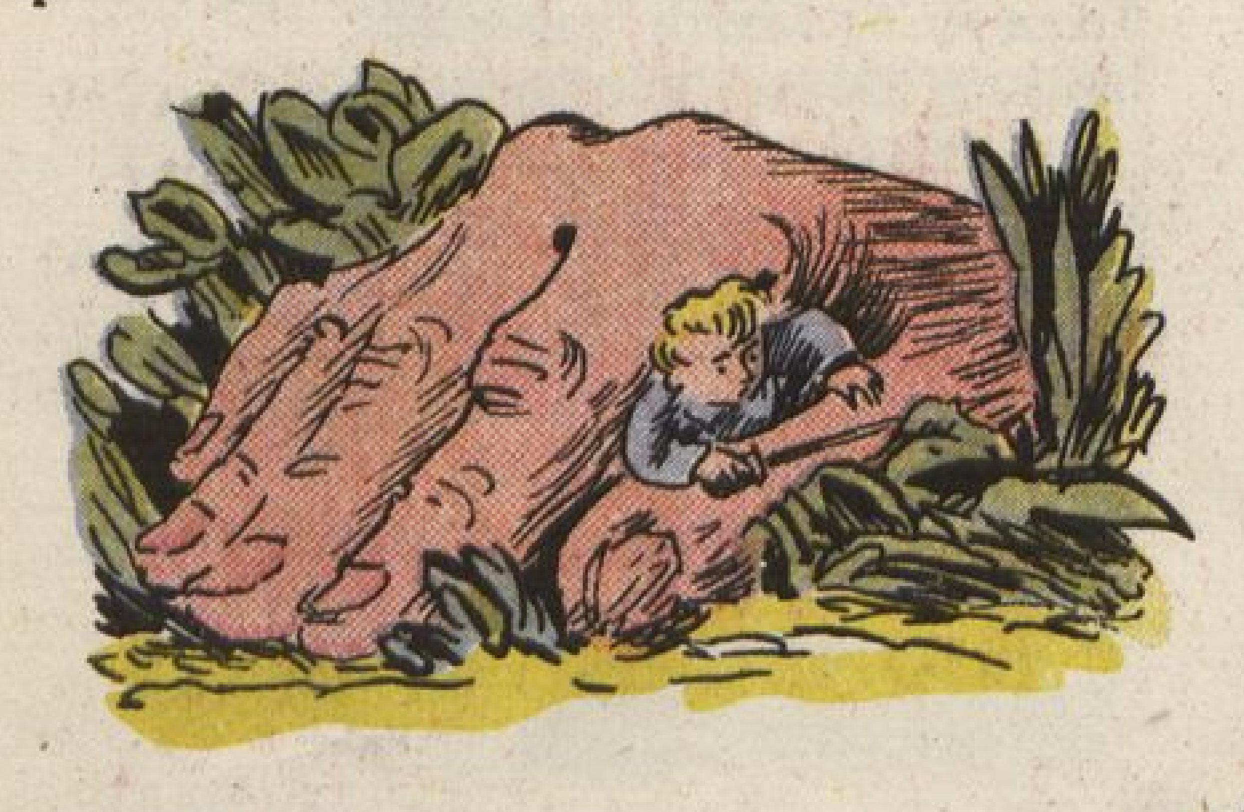
I
ЧУДЕСНАЯ ВСТРЕЧА

Я живу на даче в Переделкине.

Это недалеко от Москвы.

Со мною живут мои внуки и внучки.

Как-то ночью, когда все уже спали, я услышал, что лает Альфа. Альфа — наша старая собака. Лаяла она так бешено и громко, будто на мою дачу напали разбойники.

Я вскочил с постели и выбежал в сад.

Альфа прыгала вокруг какого-то кустика и лаяла на него, как на дикого зверя.

Я подошёл ближе и увидел, что в кустике что-то живое, вроде как бы мышь или ящерица.

Но нет, это не мышь и не ящерица, а маленький живой человечек. Я и не знал, что такие бывают на свете. Маленький, словно игрушечный! Словно это не человечек, а кукла. И в руке у него крохотная шпага. Он машет этой шпагой во все стороны,

будто сражается с сотней врагов.

Альфа лаяла, лаяла — и вдруг завизжала, завыла, заплакала и отскочила в сторону с поджатым хвостом.

Должно быть, он ткнул её шпагой в нос.

Так ей и надо: сама виновата! Разве можно обижать таких маленьких!..

II
МОЙ ПЛЕННИК

Я накрыл его рукою, как воробушка. Он пырнул меня шпагой в ладонь, но я всё же не разжал кулака и внёс моего пленника в дом, на террасу.

Там он стал бегать по столу, как мышонок, сбросил на пол какую-то чашку, и не успели мы оглянуться, как он уже сидел на большом абажуре, что висит у нас на лампе над столом.

Оттуда он хотел прыгнуть в открытую форточку, но не допрыгнул и плюхнулся в банку с вареньем.

Варенье было густое, из чёрной смородины, и когда моя внучка Тата, взяв столовую ложку, вытащила человечка из банки, он не мог двинуть ни рукой, ни ногой.

Всё у него слиплось и склеилось.

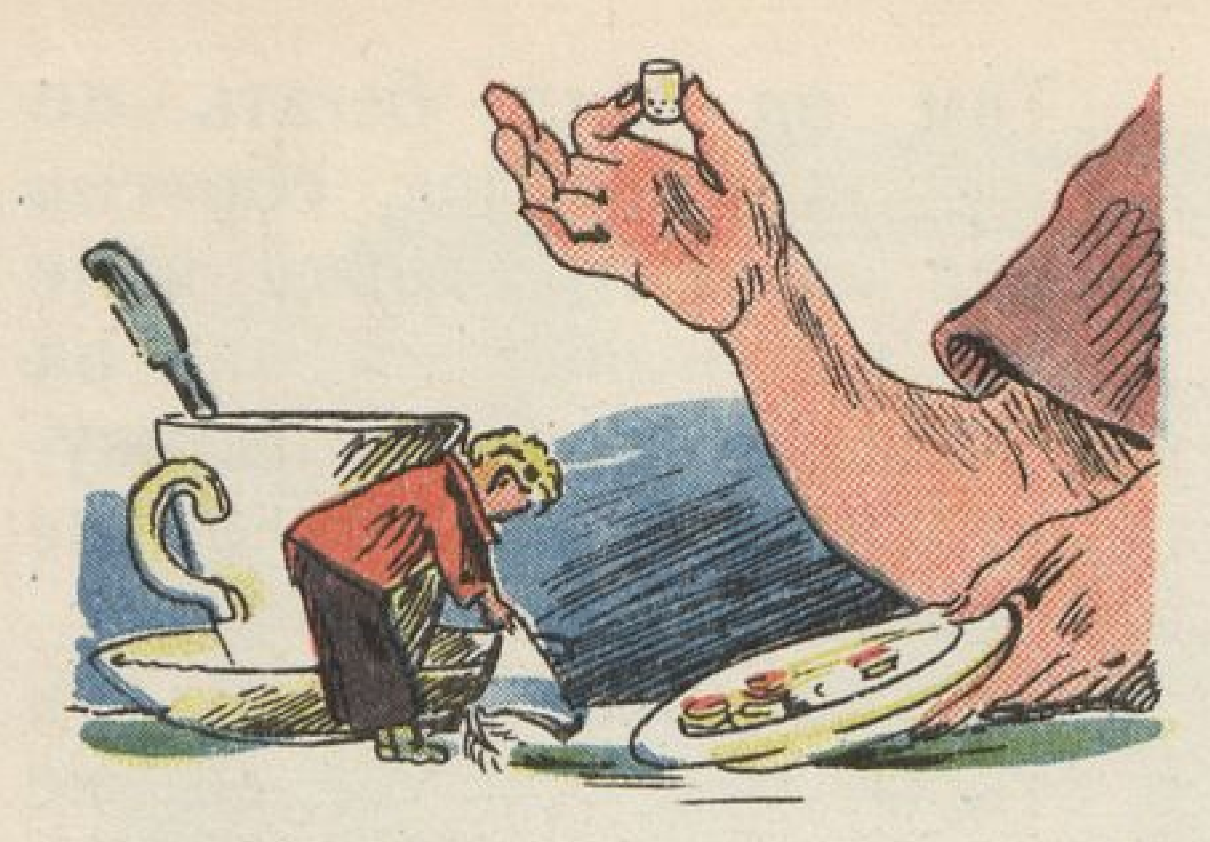
Его шпага утонула в варенье.

III
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

После этого он сразу присмирел и затих. У него даже не было силы барахтаться, когда мы с Татой раздевали и умывали его, чтобы уложить его спать.

Спал он очень долго, и покуда он спал, моя младшая внучка Леночка достала у нашей домработницы Федосьи Ивановны цветных лоскутков и сшила ему крохотный костюм.

Человечек ужасно обрадовался, когда Лена нарядила его в новое платье. Он запел и запрыгал, как чиж.

Особенно понравилась ему треуголка, которую Лена смастерила из старой газеты. Треуголка была очень нарядная, с большим воробьиным пером.

Когда же Тата принесла ему сладкого чаю в маленьком белом напёрстке и три бутерброда, каждый величиною с горошину, он даже засмеялся от радости, снял перед Татой свою треуголку и отвесил ей низкий поклон.

IV
БИБИГОН

Я усадил его у себя на ладони и начал расспрашивать, кто он такой, где родился и как он попал сюда, в Переделкино.

Он важно посмотрел на меня и сказал:

— Где я родился? На луне!
С неё свалился я во сне.

Меня на родине зовут
Граф Бибигон де Лилипут.
О, если б мог вернуться я
В мои родимые края!

Я, конечно, засмеялся: «Что за вздор!»

Но внучки мои сразу поверили, будто он и вправду свалился с луны, и стали расспрашивать его о лунных яблоках, о лунных цветах, о лунных трамваях, верблюдах и кроликах. И как одеваются лунные дети? И есть ли на луне земляника?

(Продолжение следует)

РЕДАКТОР — ВИТ. БИАНКИ

ИЗДАТЕЛЬ — «МУРЗИЛКА»

Начало охоты на зверя

Открывается охота на зверя, когда он, как говорят охотники, выкунеет, то есть отрастит себе к зиме густой, тёплый подшёрсток — и так оденется в дорогой, прочный зимний мех. Многие звери при этом резко меняют свой цвет: рыжая летом белочка зимой щеголяет в голубой шубке; заяц-беляк, горностай, ласка из серых становятся белыми, как снег.

Окончательно выкунивают звери в самом конце осени; тогда и объявляется на них охота. Год на год не приходится — настаёт этот день то раньше, то позже: смотря по тому, ранняя нынче зима или поздняя.

Но на зайцев охота объявляется часто и раньше, уже в начале октября. Зайца ведь бьют не только на мех, но и на мясо. И беляк в это время гуляет ещё полубелый: на серой шерсти его тут и там проступают ярко-белые пятна. В это время он бывает очень заметен на чёрной от дождей земле.

Гончая

Для разных охот человек вывел разные породы собак. У каждой породы охотничьих собак своя задача.

У гончей — найти лёжку зверя, поднять его и гнать, гнать, преследуя его по пятам, пока охотник где-нибудь не перехватит зверя и выстрелом не положит его на месте. Гонит зверя гончая с голоса, лаем.

По голосу своей собаки охотник должен понимать всё, что происходит: какого зверя подняла гончая, идёт ли она у зверя «на хвосте» или отстает от него, и как петляет, путая свой след, убегающий зверь. Самого зверя охотник обычно видит при этой охоте в последний момент, когда уже надо в него стрелять.

Не обходится, конечно, без странных неожиданностей, или, как говорили в старину, курьёзов.

Понимать надо

Один охотник много лет подряд охотился с гончей. Звали её Заливай. А раз охотник не понял своего Заливая. Заливай — нос в землю, пошёл, скрылся в лесу и дал оттуда голос. Охотник поспешил приготовиться и выбрал себе место на холме, над кустиками, между двумя мысками леса. Были уже сумерки, но место прекрасное, больше негде зайцу из леска в лесок перебежать.

Заливай в лесу горячо залился, далеко ушёл, чуть его слышно.

«Верно, здорового русачину поднял, — думает про себя охотник.—Больно уж заливисто голосит, прямо из кожи лезет».

Стоит, ждёт, когда заяц из тёмного леса выскочит. А Заливай уже завернул, и всё ближе, ближе... Да вдруг сам и выскочил к холмику.

«Как же так?—думает охотник. — Где же заяц прошёл и как я его не видел?»

А Заливай глянул на него на ходу, и опять нос в землю, и точно ответ даёт хозяину: показывает носом, где след, где зверь прошёл. А шерсть на самом дыбом, глаза горят. весь дрожит; так и ушёл опять в лес.

Тявкал там, тявкал — насилу его дождался хозяин. Было уже темно, стрелять всё равно нельзя.

Потом и призадумался охотник:

«Что-то я тебя этот раз не пойму, друг Заливаюшко!»

Нарочно утром пошёл посмотреть следы, где же заяц прошёл.

А следы-то оказались не заячьи, а здоровой рыси.

Не понял охотник, что кричал ему по-своему пёс. Ждал зайца, заяц на скачках идёт, не скрывается. А рысь кошечкой на бархатных лапках прошла у него под самым носом, хоронясь за кустиками под холмом. Какую добычу проворонил!

Гончака по голосу понимать надо.

КЕНГУРУ-ЛЯГУШКА

А то стоял охотник в поле, тоже зайца ждал. Теперь уж чутко слушал Заливая: кого гонит? И по всему выходило — зайца. Спокойно тявкал Заливай, шёл не торопясь — «пешим».

И вот дождался. Выскакивает на горушку ушастый, заяц—не заяц, понять невозможно. Настоящий австралийский кенгуру! На длинных задних лапах прыгает, маленькими передними вроде как и совсем земли не касается. Ну, не позаячьи совсем, скорей как лягушка.

Оторопел охотник. В последнюю минуту спохватился, всё-таки приложился и на прыжке, прямо в воздухе, стукнул зверя. Тот упал.

Охотник подошёл, видит — заяц. Заяц-то, заяц — крупный

русачина, да только фигура больно уж неладная: задняя часть вся большущая, толстая, ноги и впрямь как у кенгуру, талия тоненькая, словно бы туго ремешком перехвачена, грудка маленькая, а выпячена колесом, как у петуха, и передние ножки по бокам совсем ничтожные болтаются.

Стал щупать зайца и нащупал под шерстью в самом деле ремешок. Узенький, цветной.

Охотник, конечно, всем этого зайца показывать стал в колхозе. Все только дивились да охали. А одна небольшая девочка застыдилась, отвернулась и чуть слышно говорит:

— Это мой, дяденька, зайчик...

— Как твой?

Она и объяснила, как прошлый год поймала под кустом маленького зайчонка, молоком его поила, потом траву давала, капустку. А когда он подрастать начал, ремешок ему надела под передние лапы, к ремешку верёвку — и посадила на дворе, как собачку. А он верёвку перегрыз и убежал.

Ремешок-то ему, выходит, всю фигуру изменил, и вырос он вроде лягушки или кенгуру австралийского.

ЦЕНОЙ ХВОСТИКА

И ещё был случай у этого охотника. Повадился заяц к нему на огород ходить — капусту красть. Охотник пустил Заливая по его следу. Сам близко, у густых ёлок стал. Заяц от Заливая шасть из ёлок. Да увидал охотника, повернул круто—и назад. Охотник бац в ёлки, и сам не знает: нашла там его дробь зайца или он ушёл невредим?

Подошёл — зайца нет, крови ни капельки, а лежит на земле что-то беленькое.

Поднял, а это заячий хвостик! Чисто отрезало дробинкой.

Охотник хвостик себе на память взял, а этого бесхвостого зайца гонять больше не стал и Заливая с его следа отозвал...

— И так, — говорит, — он страху натерпелся какого. Больше воровать не станет. Пусть себе в лесу живёт.

БЕЗ ГЛАЗ

Заливай и сейчас у этого охотника живёт, состарился уж, а ещё того хуже — оба глаза потерял: напорол в чаще на сучок. Но вот что значит настоящий гончий пёс: до сих пор гоняет хозяину не хуже прежнего.

Как это может быть? Да просто: ведь гончая и всегда-то редко видит бегущего от неё зверя. Гонит она по запаху от следа. А для этого ей глаз не требуется, был бы только нос, чутьё хорошее. Чутьё у Заливая прекрасное и ведёт его по следу безошибочно.

Только стал теперь Заливай совсем пешим, гонит зверя потихоньку.

Но и это к лучшему: зверь тоже уходит от него потихоньку, а не мчится мимо охотника со всех ног.

Из «Охотничьих рассказов» («Лесная газета» за август месяц)

Первый охотник рассказал чистую правду. Есть птицы, «летающие» под водой, как по воздуху, то есть они машут под водой крыльями и так плывут. Крупная водяная птица, которую наблюдал этот охотник, называется гагара.

Второй охотник тоже сказал чистую правду: чомга, или нырец, спасая маленьких своих птенцов, хватает их под крылья и ныряет с ними под воду.

А третий охотник немножко, что называется, пересолил. Правда, что на Сиваше живут большие пегие утки. Они и называются пеганки, или, по-местному, галагазы. Правда и то, что гнезда пеганок иногда находят в лисьих норах. Но это совсем не значит, что пеганки едят лис. Вот если бы лиса застала какую угодно утку у себя в норе, она, конечно, легко бы с ней справилась и съела бы её.

А то, что охотник видел в лисьих норах куски лисьих шкур, это вполне может быть. Какой-нибудь более сильный зверь, волк например, растерзал тут лисицу, хозяйку норы, клочья шкуры тут и остались лежать: пеганке они не мешают.

Собаки пастухи

Н. ЕМЕЛЬЯНОВА

На Северном Урале горы покрыты хвойным лесом, а выше — низкой зелёной травой и оленьим мхом. С гор текут быстрые чистые реки. В горах живут ненцы, зыряне, вогулы. Они держат большие стада оленей и пасут их летом на горных пастбищах.

Проводником у нас был зырянин Евсей Давыдович. Мы ездили с ним в лодке по рекам, поднимались на вершины гор и всюду собирали образцы горных пород, чтобы точно описать строение Северного Урала.

Однажды мы немного поспорили с Елизаветой Дмитриевной, нашим старшим геологом. Мне очень хотелось купить у вогулов-охотников медвежью шкуру.

— Нет, — говорит Елизавета Дмитриевна, — шкуру я покупать не позволю.

— Почему?

— Потому что и тащить её тяжело, и лодку она нам загрузит.

Все знают, что у медведя шкура очень лёгкая. Я стала возражать, а Елизавета Дмитриевна отвечает:

— О чём разговор? Ещё и шкуры-то самой нет, а мы о ней говорим. Не нужна тебе медвежья шкура. Вот хорошенькую собачку-лайку я бы ещё купила.

И пошли мы в горы.

Стали подходить к ненецкому чуму. Вот уже он виден нам на зелёном лугу, как на блюдечке: остроконечный, покрытый берестой, и около него ходит большой белый олень.

И тут навстречу нам как кинутся собаки! Лохматые, небольшие, катятся нам под ноги и злобно лают.

«Вот вам и «хорошенькая собачка-лайка»!» подумала я.

Зашла я сзади, а Елизавету Дмитриевну и Евсея Давыдовича пропустила вперёд.

«Узнаете, — думаю, — сейчас, какое от собак беспокойство».

Но удивительное дело! Собаки словно поняли, что я иду с недобрыми чувствами к товарищам. проскочили мимо идущих впереди людей, забежали сзади и все кинулись на меня. Лают и прихватывают зубами то одну мою ногу, то другую, но легонько, не стараясь прокусить.

Из чума вышел хозяин, свистнул, и собаки разом отстали.

Мы вошли в чум, сели у очага и разговариваем с хозяевами. Евсей Давыдович говорит:

— Вот какая Нина Александровна у нас бесстрашная! Пошла себе сзади, как оленья матка. Конечно, в пути ко всему привыкаешь, но при этих собаках сзади итти—смелость надо иметь.

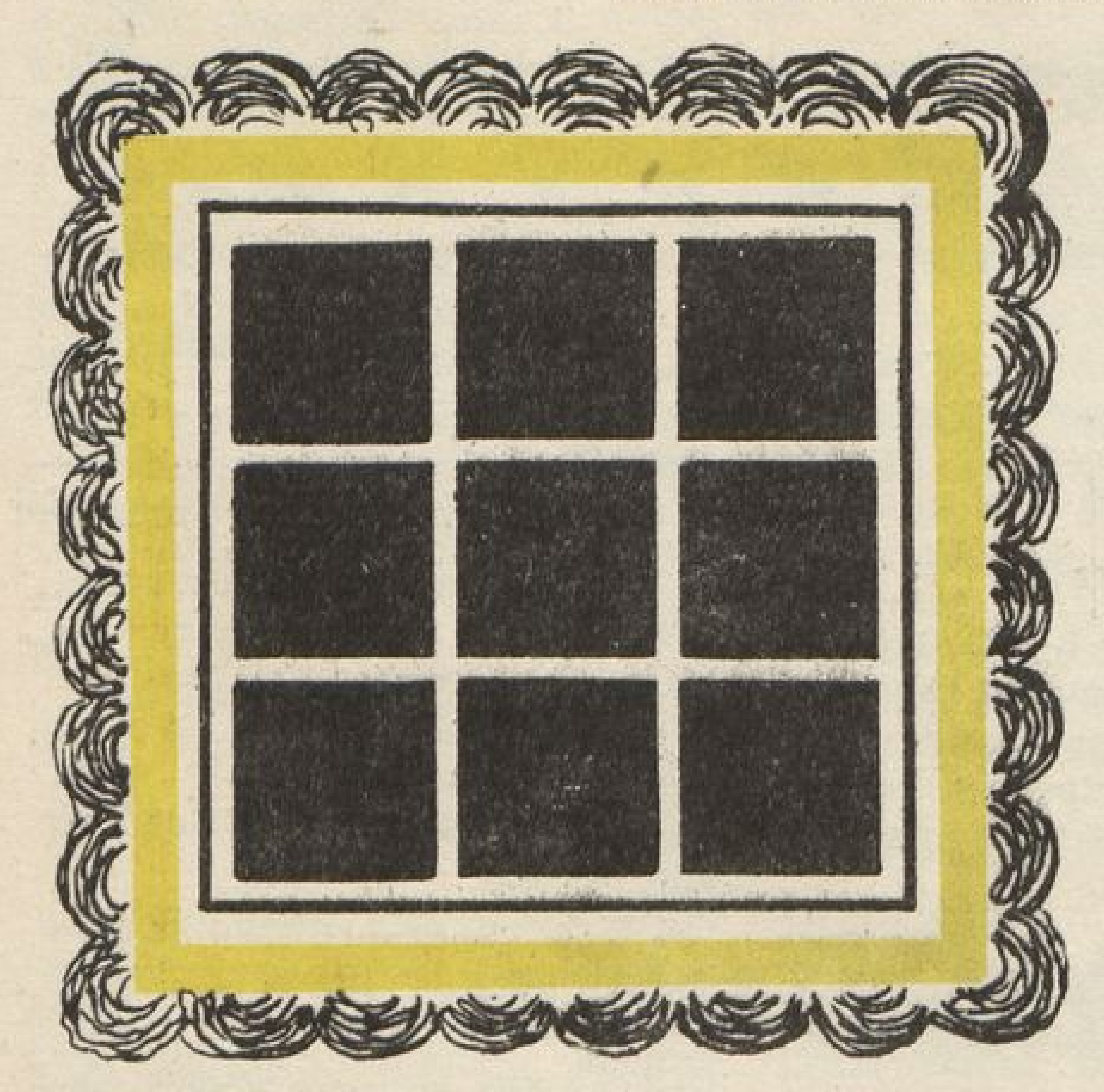
— Как так?—спрашиваю.— Почему вы так думаете, Евсей Давыдович?

— Да как же!— отвечает Евсей.—Это ведь известное дело: у ненцев и у вогулов-оленеводов собаки выучены загонять оленей. Они обегают стадо справа и слева и подгоняют задних оленей. А позади стада всегда оленьи матки идут: отстают с малыми-то! Собака набежит, матка оленёнка вперёд пустит, сама сзади прикрывает и поторапливается. Так собаки и собирают стадо. И по привычке всегда бросаются на того человека, который позади идёт. Если он послушается, пойдёт—ничего, а остановится да отбиваться будет — искусают! Это и хозяин вам скажет...

Тогда мне стало совестно, что меня похвалили не за дело, и я рассказала всем, почему пошла сзади.

Удивительные квадратики!

Посмотри внимательно на эти девять чёрных квадратов. Видишь ли ты странные серые пятнышки, которые то появляются, то исчезают и точно мерцают на перекрёстках белых полос? Однако приглядись к рисунку, и ты убедишься, что белые полоски совершенно чисты. Перед тобой то, что называется «обманом зрения».

Этот «обман» такой сильный, что редактор одного журнала, увидев такой рисунок, очень рассердился и написал на полях: «Что за серые пятна? Убрать эту грязь!» А на самом деле никакой грязи не было: она ему почудилась.

Если хотите увидеть ещё более удивительную вещь, нарисуйте карандашом девять таких же квадратов и раскрасьте их так: первый — красный, второй — синий, третий — жёлтый; затем синий, жёлтый, красный; и в нижнем ряду — жёлтый, красный, синий. Закрашивайте квадратики как можно гуще, ярче и ровнее, а потом поглядите: какие пятнышки замелькают перед вами, каких они будут цветов.

Что это такое?

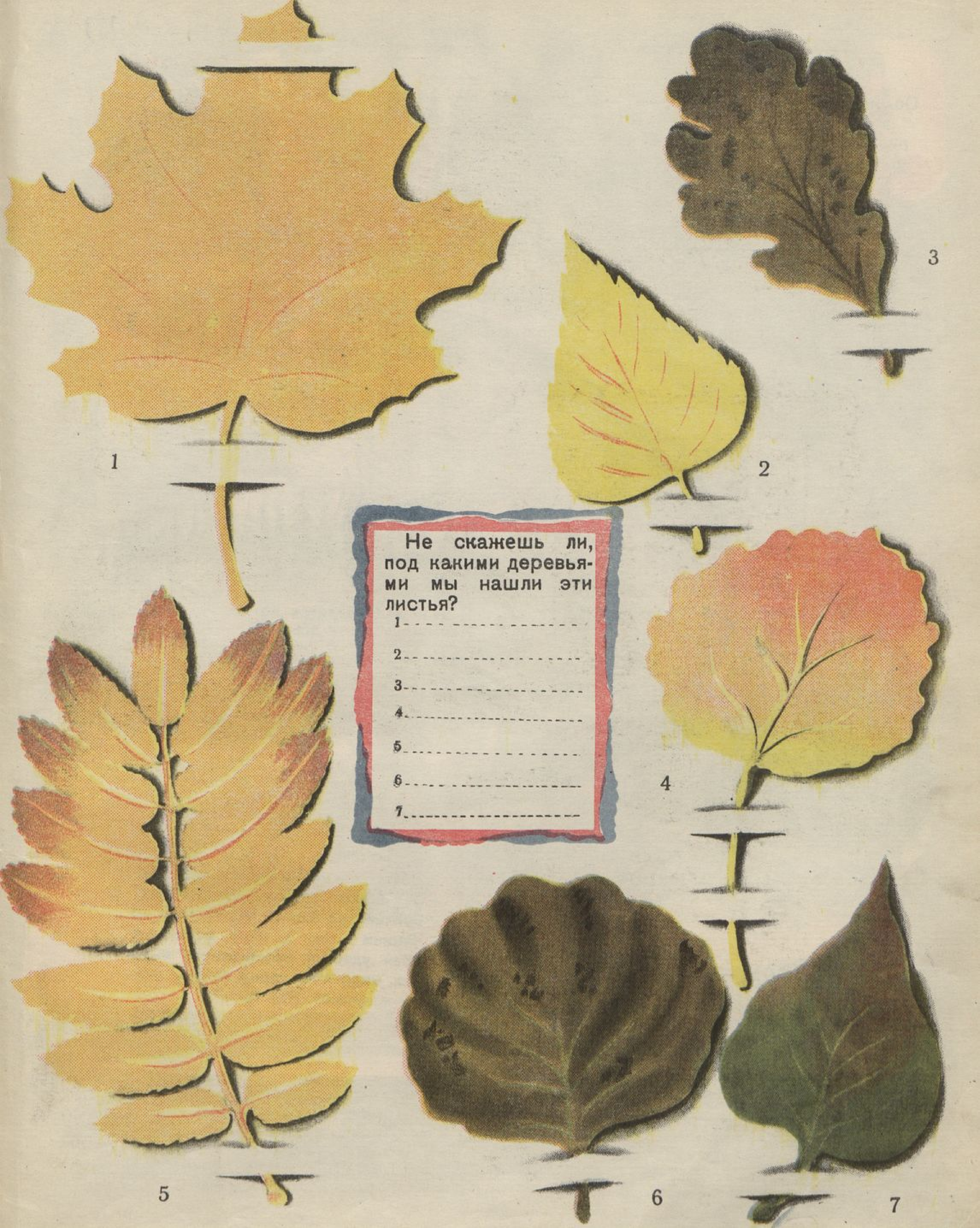

Перед вами три рисунка.

Что это такое?

Да, да! Пожалуйте к доске! Ответьте на мой вопрос: что это такое?

Скажите нам: почему все эти предметы связаны с вашим первым днём в школе? Что вы видели в классе, что вы держали в руках из вещей, которые нарисовал тут художник?

1
2
3
Не скажешь ли, под какими деревьями мы нашли эти листья?
1
2
3
4
5
6
7
4
5
6
7

Год издания двадцать второй **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К-0-18-23. Подписано к печати 3/XI 1945 г. А24507. Объём 2,5 печ. л. 2,7 уч.-изд. л. 32 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 2964.

Хромограверные работы выполнены в 3-й типографии „Красный пролетарий" треста „Полиграфкнига" ОГИЗа при СНК РСФСР, Москва Краснопролетарская, 16. Отпечатано в тип. „Красное знамя" изд-ва ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия". Москва, Сущевская, 21.